

ЗАЧЕМ КАРТИНА? ЗАЧЕМ Я В НЕЙ?

Диалог:

Лидия Федосеева-Шукшина —
Вадим Абдрашитов

Как это часто бывает, людей с различными творческими судьбами, никогда в своих работах друг с другом не соприкасавшихся, объединяет любовь к кино, преданность своему делу.

Мы разговариваем с Лидией Николаевной ФЕДОСЕЕВОЙ-ШУКШИНОЙ, народной артисткой РСФСР, и Вадимом Юсуповичем АБДРАШИТОВЫМ, кинорежиссером, лауреатом Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола.

Разговариваем в кабинете, где работал Василий Макарович Шукшин и который и по сей пор остался его кабинетом. Возможно, требовательность Шукшина к себе и к другим, пре-

дельная правдивость всего созданного им в искусстве становятся каким-то незримым камертоном нашего разговора о кино, о том, что важно каждому из двух собеседников.

Поскольку и артистка Федосеева-Шукшина, и режиссер Абдрашитов должны вот-вот приступить к работе над новой ролью, новой картиной, разговор наш начинается именно с этого...

— Что для вас значит съемочная группа, с которой приходится работать?

Абдрашитов: Вот актриса на это ответит точнее.

Федосеева-Шукшина: Каждый раз это бывает по-разному. Если собираются талантливые люди, тогда творческая атмосфера передается всем участникам. И тут уж работа — в радость. Так что все зависит от того, состоялся или нет союз творческих людей. Хотя бывает, что атмосфера в группе прекрасная, все друг о друга в умилении, но картины нет. А в соседней группе все сложно проходит, конфликтно — не работа, мучение, а фильм вышел замечательный. Все сложности очень скоро забываются, а результат остается. И зритель видит только результат. Конечно, хочется, чтобы во время съемок все по-людски было, но все же самое главное — что за картина вышла.

— Но, наверное, очень многое во взаимоотношениях коллектива людей, собравшихся на съемочной площадке, зависит именно от режиссера?

Абдрашитов: Да вообще-то от режиссера. Он, как говорится, задает тон. Я так скажу. При адской, сложнейшей работе, суровых условиях жизни в экспедиции для меня всегда праздник, когда собирается группа, и чувствуешь, что все мы — единомышленники. Проходит время. И если люди подбираются хорошие, отъезд из экспедиции — еще и грусть: отрезок жизни прожит, его не вернуть. Уверен, что атмосфера на съемках в конечном итоге должна работать на актера. Чувствуя серьезность отношения к себе, веру, что все у него получится, наконец, видя простую человеческую приветливость, артист как-то невольно меняется. Бывает — характер неважный, пришел надутый, недовольный, просто утомленный. А группа ждет, принимает его с радостью. Режиссер знает, чего хочет (а это тоже немаловажно!), — и сразу артист становится иным. Легко, охотно начинает работать перед камерой. Все это я и называю атмосферой. И если какой-нибудь дядя Володя, шофер, позволяет себе грубить, его нельзя посылать за артистом к поезду или самолету. Пусть едет другой, чтобы не было испорчено настроение перед съемкой.

Федосеева-Шукшина: Иногда говорят, глядя со стороны: «Этот артист капризный» или: «У этой плохой характер, с ней работать невозможно». А если разобратись... Очень бездельники мешают работать. Бездельники и непрофессионалы. Картин много, а профессионалов мало. На все группы не хватает. Среди администраторов, ассистентов, костюмеров очень много случайных людей, которым, в общем-то, безразлично, как идет дело. Все равно фильм снимут. А сколько это здоровья стоит тем, кто работает! Я так резко говорю, потому что наболело. Очень хочется, чтобы все держалось не на энтузиазме нескольких заинтересованных в конечном результате людей, а на добросовестности и профессионализме каждого.

Абдрашитов: Я с вами согласен. Собранность, четкость в работе — это, как я понимаю, тоже входит в понятие творческой атмосферы на съемках. Работает на конечный результат. Кроме того, это дань уважительного отношения к тем, кто приходит сниматься. Признание, я с нежностью и любовью отношусь к актерам. Их профессия тяжелая, я бы сказал, подчиняющаяся. Зависимая во многом — утвердят или не утвердят на роль — от режиссера, от оператора. А с другой стороны — зритель нас не видит, порой знать не знает никого, кроме актера. Да. Повторяю: с нежностью, с огромным уважением я отношусь к сложнейшему актерскому труду. Если что-то не прощадешь — это, пожалуй, бездарность. Хотя... задаешься вопросом: а как бездарный стал актером? Зачем было кому-то ломать ему жизнь? И жалеть его за искверканную судьбу.

— Скажите, Лидия Николаевна, что вы как актриса хотите, ждете от режиссера? Каким он, по вашему мнению, должен быть?

Федосеева-Шукшина: Чего жду? Ясного знания цели. Зачем картина в целом, зачем я в ней. Но знание это должно быть основано не на кинематографических ассоциациях, а на жизненных. Другими словами: мне интересно, когда режиссер видит перед глазами не чей-нибудь, пусть очень хороший фильм, а использует свой жизненный опыт. Необходимо, чтобы у режиссера была своя позиция — человеческая, гражданская. К сожалению, чаще встречаешься не с позицией, а с позой. Тогда работать неинтересно. Хотя, может быть, такому режиссеру живется легко: нет позиции — нет и оппозиции.

— А если спросить о том же режиссера — что от актера ждет он?

Абдрашитов: Я жду ясности в наших

взаимоотношениях. Важно, чтобы мы понимали друг друга и наши общие задачи. Если оба мы, режиссер и артист, понимаем, про что будущий фильм вообще, то в каждом частном случае всегда договоримся: «Картина будет про то, значит, этот эпизод надо делать вот так». А кроме того, каждый раз есть тайное желание, огромная надежда, что актер принесет еще нечто кроме того, что я, как режиссер, могу дать. Привнесет в сценарий свое начало, что-то от себя прибавит. Хорошо, когда роль сделана не на 20 процентов, даже не на 80—100, а процентов на 120, это и будет его, актера, привнесение. Редко бывает так, но бывает.

— И в вашей практике тоже?

Абдрашитов: К счастью, да. Достаточно назвать таких артистов, как Янковский, Неелова, Гостюхин, Гурченко. Хочу рассказать, например, о том, как работал Олег Борисов в фильме «Остановился поезд». Казалось бы, все было написано, отрепетировано, известно от корки до корки. Вроде бы актеру самому негде разгуляться. А он... Теперь, когда фильм готов и когда Борисов так много привнес в роль, наполнил ее своим животворящим характером, теперь мы с Миндадзе могли бы написать повесть о том, как остановился поезд. Повесть не только об этом происшествии, но и о такой неповторимой, ярко индивидуальной человеческой личности, какая создана Борисовым, какая получилась в конечном итоге. От этого артиста идет какая-то радиация. Тут — магнитное творческое поле...

— Тут кстати задать вопрос актрисе: что для вас бывает решающим, когда вы отвечаете режиссеру согласием или несогласием сниматься в его картине? Не всегда ведь только его, режиссера, человеческие качества?

Федосеева-Шукшина: В первую очередь он должен быть хорошим режиссером. А что касается его человеческих качеств, то тут все относительно: для кого-то он хороший, для кого-то нет. Люди по-настоящему талантливые, как правило, не простые. И общаться с ними часто нелегко. Они могут быть и жесткими, и эгоистичными. Была бы совесть. Вот это условие непеременимое. Правда, совесть, как я понимаю, для художника — категория не только человеческая, но и профессиональная. Как выбирать? Конечно, мечтаешь, чтобы все сошлось: и режиссер талантлив, и сценарий прекрасный... Увы! Так, к сожалению, бывает редко. Соглашайся, если хочешь один из этих компонентов присутствует. А иногда даже и сценарий не очень, но роль интересная. Так было, например, с телефильмом «Взятка». Словом, каждый раз случается по-разному. А вообще-то что спрашивать артиста! Как часто мы бы с радостью согласились сниматься, только... нас не берут. Вот сидит Вадим Абдрашитов. Когда он только еще собирался ставить свой фильм «Слово для защиты», я прочла сценарий и подумала про одну из ролей (потом ее сыграла Неелова, и прекрасно сыграла, я вообще очень люблю эту актрису) — вот, думаю, эта роль моя. Чувствовала: так смутно ее сыграть! Даже решила, сказала об этом оператору Анатолию Заболоцкому, который мне этот сценарий и показал. А выяснилось, что режиссер «видит» другую актрису. Вот так наша творческая встреча с Абдрашитовым и не состоялась. Выбирать — это удел не артиста, а режиссера.

— Ну, а что скажет режиссер? Чем обуславливается ваше, Вадим Юсупович, приглашение артиста на роль?

Абдрашитов: Не могу ответить однозначно. В разных картинах это происходит по-разному. Отталкиваясь от материала, от какого-то первоначального ощущения будущей картины. В связи с данным конкретным материалом и тем конечным результатом, которого ожидаешь. Поясню на примере. В фильме «Парад планет» перед нами впервые встала задача создать групповой портрет. Здесь каждый из семи человек как бы сцеплен с окружающими, с остальными шестью. Группа людей... Надо, чтобы так было: когда все они собраны в кадр, сразу ясно, складывается ли единый портрет или не складывается. Ясно и мне, режиссеру, оператору, даже рабочим, находящимся на площадке. По этому принципу и подбирались семь актеров в «Параде планет». А в «Остановился поезд» мы с самого начала ориентировались на Борисова. Только с фильмом «Охота на лис» был совсем особый случай.

Мы ехали в Ригу на Всесоюзный кинофестиваль. Я вышел из куле в коридор, вижу, стоит у окна Владимир Гостюхин, жму руку Сашу Миндадзе: «Смотри, вот актер на главную роль в «Охоте». Понадобилось приложить немало усилий, чтобы «перетянуть» Гостюхина с «Ленфильма» на «Мосфильм». Вот един-

ственный в моей практике случай из области преданий вокруг кино типа: «увидели — понравился — сняли в картине». Очень ответственный для режиссера момент — выбор, приглашение на роль. Практически ведь здесь решается судьба картины.

— А как вы оба смотрите на проблему типажности, то есть приглашения артистов «по типуажу», которая имеет как своих сторонников, так и противников?

Федосеева-Шукшина: Мне кажется, если режиссеру нужен только типаж, тогда лучше снимать не актера. Кстати, иногда это дает поразительные в смысле достоверности результаты. И в художественном отношении тоже. Достаточно вспомнить «Калину красную» — мать Егора Прокудина. Ни одной профессиональной актрисе такого результата не добиться. Я в этом убеждена. А для артиста типажность порой становится тяжелой обузой, иначе не скажешь. К сожалению, существует стереотип режиссерского мышления, и никуда от этого не уйдешь. Хотя сама я родом из Ленинграда, с легкой руки Шукшина мне очень долго пришлось играть только сельских жительниц. До тех пор, пока Динара Асанова не рискнула поломать это мое амплу.

Абдрашитов: Да, правда, есть у нашего брата-режиссера такая леность мышления. А может, и трусость: зачем, мол, рисковать? Артист примерно то же играл в предыдущей картине, и с успехом. Возьму его! Только мне кажется, увлекательны именно обратные решения. Сужу об этом как зритель. Режиссер как бы «повернул артиста другой стороной», раскрыл его совсем иначе — значит и для меня, зрителя, состоялось открытие.

Федосеева-Шукшина: А если говорить о стереотипе мышления, то есть он и у тех, от кого в итоге зависит утверждение артиста на роль. Иногда у них такие соображения: зритель помнит артиста в яркой положительной роли — разве можно вслед за ней разрешить ему отрицательную! Что называется, «берегут» артиста.

Абдрашитов: Вдобавок, «берегут» зрителя, чтобы не путался. Считают, так ему, зрителю, спокойнее. А то еще встревожишь его, взбудоражишь — не сумеет он понять, кто есть кто. Вот и не известно, утвердят ли актера на отрицательную роль. Пожалуй, ни Тихонова, ни Ланового теперь на роль отрицательного персонажа не пригласишь. А для актера такое «табу» — бич, нож острый.

— В продолжение сказанного хочу напомнить слова прекрасного артиста Любмина: «Какое это счастье, когда тебя прогнозируют на различные варианты, которые ты сам от себя не ожидал». Что вы можете прибавить к вопросу о прогнозировании актерских возможностей?

Абдрашитов: Я скорее бы назвал это творческим доверием, когда артисту предлагают то, что он, как кажется, сделать не может. В кибернетике под понятием информация что подразумевают? Я прихожу, сообщаю: «2 плюс 2 равно 4». Это не информация, так как это общеизвестно. Для зрителя нет информации, у него нет ответной реакции, когда прошло 20 минут показа картины, а актер повторяет то, что играл в других фильмах. Интересно смотреть на человека в системе для нас неожиданной, на актера вроде бы не в «его» роли. Но — мы уже об этом говорили — тут нужен творческий риск. Проще говоря, тут дело не в прогнозировании, а в доверии.

— У меня еще такой вопрос. Признать, понять чужую позицию, вкус — и принять работу другого режиссера или актера, даже если сам сделал бы иначе, — не всякому это дано. А вам? Как вы относитесь к работам коллег?

Федосеева-Шукшина: Мне всегда нравится то, что сделано талантливо. Вот фильм Вадима Абдрашитова «Парад планет». Мне не все в этом фильме понятно, но смотреть его было интересно. Интересен ход авторской мысли и то, как в каждом отдельном случае эта мысль выражена. Картина эта не только не банальна, она необычна. И этой своей небанальностью, необычностью меня привлекает. Из последних лент понравился еще фильм «Успех» режиссера Худякова...

Абдрашитов: И «Мой друг Иван Лапшин»...

А о нашем фильме «Парад планет», пусть не сочтут это нескромным, хотелось бы вот что сказать. Его считают сложным. Из тех, которые «простой народ не поймет». Простой народ... Но мы ездили, показывали его самой различной аудитории — студентам Тартуского университета, рабочим во дворцах культуры Свердловска и Челябинска, работникам свиноводческого совхоза под Пермью. Везде фильм принимали хорошо.

Сложная эта картина? Возможно. Она затрагивает сложные категории жизни. Но картина снята просто в смысле языка. Мы с Миндадзе думаем, что о сложном надо говорить простым языком.

— Ну, насчет «Парада планет» существуют разные точки зрения и среди зрителей, и среди профессионалов-кинематографистов, об этом газета уже писала...

Хотелось бы задать еще вопрос. Иногда говорят: «Неудачи мобилизуют, а успех расслабляет». Так ли это?

Оба в один голос: Нет!

Абдрашитов: Успех — это состояние души. Это задел на будущее в творчестве, он, конечно, нужен.

Федосеева-Шукшина: Успех меня не расслабляет, наоборот, стимулирует. Слов нет, неудачи бывают полезными, они учат, но иногда надолго отбивают охоту сниматься. Ощущение успеха актеру необходимо испытывать. Его не надо бояться — да и не так часто он случается. Это я сейчас понимаю, почему Сергей Аполлинариевич Герасимов нас, студентов, часто хвалил. Знал, что это нам надо, это нам необходимо.

Так и успех — без него пропадает вера в себя.

Беседу вела
Е. КАБАЛКИНА.

Фото А. Агева и В. Плотникова.